

СХІДНИЙ ІНСТИТУТ УКРАЇНОЗНАВСТВА ІМЕНІ КОВАЛЬСЬКИХ

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

AMERICAN COUNCIL
OF LEARNED SOCIETIES

ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ В. Н. КАРАЗІНА

До 200-річчя
Харківського університету

К 200-летию
Харьковского университета

ПОРУБІЖЖЯ:
історичний
та культурно-
антропологічний
аспекти

ПОГРАНИЧЬЕ:
*исторический
и культурно-
антропологический
аспекты*

Програма симпозіуму

Программа симпозиума

Харків
15–16 листопада 2004 року

*Харьков
15–16 ноября 2004 года*

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ СИМПОЗИУМУ
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СИМПОЗИУМА

Володимир Кравченко (Харків, Україна) — співголова
Владимир Кравченко (Харьков, Украина) — сопредседатель

Ніколай Вахтін (Санкт-Петербург, Росія) — співголова
Николай Вахтин (Санкт-Петербург, Россия) — сопредседатель

Гелінада Грінченко (Харків, Україна)
Гелинада Гринченко (Харьков, Украина)

Оксана Жиронкіна (Санкт-Петербург, Росія)
Оксана Жиронкина (Санкт-Петербург, Россия)

Іван Карпенко (Харків, Україна)
Иван Карпенко (Харьков, Украина)

Володимир Петровський (Харків, Україна)
Владимир Петровский (Харьков, Украина)

В'ячеслав Потоцький (Харків, Україна)
Вячеслав Потоцкий (Харьков, Украина)

Сергій Страшнюк (Харків, Україна)
Сергей Страшнюк (Харьков, Украина)

Рінат Шарібжанов (Харків, Україна)
Ринат Шарибжанов (Харьков, Украина)

ПРОГРАМА СИМПОЗИУМУ

ПРОГРАММА СИМПОЗИУМА

15 листопада
понеділок

15 ноября
понедельник

9:00–9:45

Реєстрація учасників симпозиуму
Регистрация участников симпозиума

9:45–10:15

Відкриття симпозиуму
Открытие симпозиума

Вступне слово співголови Оргкомітету симпозиуму,
директора Східного інституту українознавства
ім. Ковальських **Володимира Кравченка**

Привітання ректора Харківського національного
університету ім. В. Н. Каразіна **Віля Бакірова**

Вступительное слово сопредседателя Оргкомитета
симпозиума, ректора Европейского университета
в Санкт-Петербурге **Николая Вахтина**

Засідання перше. Головує **Ніколай Вахтін** (Санкт-Петербург)
Заседание первое. Ведет заседание Николай Вахтин (Санкт-Петербург)

10:15–12:00

Ельжбета Смулкова (Варшава, Польща) *Вопыт міждысцыплінарнага калектыўнага даследавання памежжа Беларусі*

Ярослав Дашкевич (Львів, Україна) *Великий кордон України: бар'єр та зона контактів між Європою та Азією*

Михайло Чугуєнко (Харків, Україна) *Роль цивілізаційного «фронтіру» у становленні національної ідентичності українців (кін. XVIII – XX ст.): постановка проблеми*

Павел Церашковіч (Мінск, Беларусь) *Сацыяльныя рэсурсы нацыянальных рухаў у рэгіёне памежжа – Беларусь, Україна, Малдова (XIX – пач. XX ст.)*

Валерия Колосова (Санкт-Петербург, Россия)
Граница между своим и чужим: этнос, конфессия, время

Дискусія
Дискуссія

12:00–12:15 Перерва
Перерыв

Засідання друге. Головує Ельжбета Смулкова (Варшава)
Заседание второе. Ведет заседание Эльжбета Смулкова (Варшава)

12:15–14:00 **Иоанна Гэтка** (Варшава, Польша) *Несколько замечаний о языке, самоидентичности и национальной принадлежности*
Лидия Стародубцева (Харьков, Украина) *Ирония билингвизма, или жизнь на границах языков*

Ольга Коновалова (Санкт-Петербург, Россия)
Белорусско-российское пограничье. К вопросу о языковом самосознании

Дискусія
Дискуссія

14:0–15:00 Перерва на обід
Перерыв на обед

Засідання третє. Головує Ярослав Дашкевич (Львів)
Заседание третье. Ведет заседание Ярослав Дашкевич (Львов)

15:00–16:30 **Мария Луцевич** (Варшава, Польша)
Социолингвистическая ситуация на белорусско-польском пограничье – пример деревни Соничи на Гродненщине

Николай Вахтин, Оксана Жиронкина, Екатерина Романова (Санкт-Петербург, Россия)
«Пограничная идентичность»: особенности ментального и практического языкового выбора на Украине (исследования в Харькове и Киеве)

Ольга Ермишкина (Санкт-Петербург, Россия)
Оценки школьниками г. Харькова речи на литературных языках (украинском и русском) и на суржике

Дискусія
Дискуссия

16 листопада
вівторок

16 ноября
вторник

Засідання перше. Головує Тетяна Журженко (Харків)
Заседание первое. Ведет заседание Татьяна Журженко (Харьков)

9:00–11:15

Иван Митин (Москва, Россия) *Мифогеография: теоретическая рамка исследования множественных контекстов места и инструмент презентации городов-на-границе*

Ольга Бредникова (Санкт-Петербург, Россия)
Разделенная память разделенных городов?

Дмитро Чорний (Харків, Україна) *«Анклави цивілізації» чи «контактні зони»: велике місто українсько-російського Порубіжжя*

Екатерина Мельникова (Санкт-Петербург, Россия) *Переселенческое пограничье: стратегии «представления себя» советских мигрантов на территории бывшей финской Карелии*

Дискусія
Дискуссия

11:00–11:15

Перерва
Перерыв

Засідання друге. Головує Дмитро Чорний (Харків)
Заседание второе. Ведет заседание Дмитрий Черный (Харьков)

11:15–13:15

Ирина Олюнина (Минск, Белоруссия) *Опыт изучения Белорусского Полесья в польской историографии*

Олена Титар (Харків, Україна) *Територія межової зони в українському культурному ландшафті*

Олександр Лисенко (Київ, Україна) *Українці і поляки у місцях спільного проживання у часи Другої світової війни: проблеми співіснування*

Анатолій Бойко (Запоріжжя, Україна) *Назва доповіді уточнюється*

Дискусія
Дискуссия

13:15–14:15 Перерва на обід
Перерыв на обед

Засідання третє. Головує Володимир Кравченко (Харків)
Заседание третье. Ведет заседание Владимир Кравченко (Харьков)

14:15–16:15 **Татьяна Сабурова** (Омск, Россия) *Граница между прошлым и настоящим в темпоральных представлениях русского просвещенного общества конца XVIII – начала XIX веков*

Татьяна Журженко (Харьков, Украина) *Новое «пост-советское» пограничье: ностальгия, сопротивление переменам, адаптация (на примере трех пограничных сел в Харьковской области)*

Михайло Красиков (Харків, Україна) *«Москалі» та «хахли» у дзеркалі слобожанських народних казок: спроба самоідентифікації*

Гелінада Грінченко, Олексій Мусієздов (Харків, Україна) *Національно-культурна ідентичність мешканця «контактної зони» (за матеріалами анкетування студентів-першокурсників Харкова)*

16:15–16:45 Заклучна дискусія
Заключительная дискуссия

16:45–17:00 Закриття симпозиуму
Закрытие симпозиума

ТЕЗИ ДОПОВІДЕЙ ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

*Ольга Бредникова
(Санкт-Петербург)*

РАЗДЕЛЕННАЯ ИСТОРИЯ РАЗДЕЛЕННЫХ ГОРОДОВ?

В фокусе внимания данного доклада – так называемые разделенные города Ивангород и Нарва, расположенные на российско-эстонской границе. В докладе предполагается обсудить один аспект взаимоотношений между этими двумя городами, а именно – процесс написания «новой истории», то есть появление и функционирование новых исторических нарративов в ходе национального строительства. В ситуации приграничья особенно важно понять диалогичность таких нарративов, когда совместное прошлое и пространственная близость «другого» тем или иным образом влияет на или даже формирует переписанные истории, ныне более широко вписываемые в общенациональные истории недавно образованных национальных государств.

В докладе будут рассмотрены некоторые артефакты, участвующие в репрезентации истории, – памятники, музейные композиции и сувениры. Безусловно, эти артефакты не равноценны по значимости, они по-разному и в разной степени представляют новые исторические нарративы, к тому же они ориентированы на разные аудитории. Тем не менее, эти артефакты активно участвуют в репрезентации различных версий истории. Они как кусочки паззла, складывающиеся в общую картинку, имеют некую общую идею, историзируют и тематизируют то или иное пространство.

Последовательно будут проанализированы музейные композиции, памятники и сувениры, представленные в Нарве и Ивангороде. При этом задача данного исследования не столько ответить на вопрос «как делается история», сколько понять причины и цели существования ее столь разнообразных версий и образов.

Согласно исследованию, в Нарве и Ивангороде востребуются разные истории, их написание ставит разные цели, и они вписаны в разные проекты – «европейский проект Нарвы» и «национальный проект Ивангорода». Важно, что истории «разделенных городов» практически не вступают в диалог, не конкурируют и не солидизируются в интерпретации совместных исторических событий. Более того, в этих историях не востребуются «близкие соседи» даже с целью того, чтобы выступать в качестве «другого», некой оси координат для позиционирования в отношении друг друга. Для Нарвы и Ивангорода важны иные референции, значительно «разнесенные» в пространстве. Можно сказать, что Нарва и Ивангород

«смотрят в разные стороны», и если Нарва обращена к Европе, минуя национальный уровень, то Ивангород «смотрит» в сторону России, участвуя во внутринациональном проекте.

Для осмысления взаимоотношений двух городов эвристичным представляется использование метафор. Ныне граница не является «зеркалом», когда существует взаимозависимость, когда необходимо присутствие «другого», а отношения фактически отзеркаливаются, отражают друг друга, хотя, возможно, с разными «знаками». Граница также и не «витрина», когда цель взаимоотношений — представлять, экспонировать нечто вовне. Я полагаю, что в исследуемой ситуации наиболее адекватной является метафора «окна». Граница становится «окном», за пределами которого течет собственная жизнь. В это «окно» можно заглядывать, но смотрящий останется сторонним наблюдателем, так как наблюдение не есть участие. От «подсматривания» не изменится жизнь ни по ту, ни по другую сторону «окна», ибо и там, и там, каждое действующее лицо занято собственным проектом.

*Н.Вахтин, О.Жиронкина,
Е.Романова
(Санкт-Петербург)*

ПОГРАНИЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: особенности ментального и практического языкового выбора на Украине (исследования в Харькове и Киеве)

Под «ментальным» языковым выбором мы понимаем декларируемое информантами предпочтение того или иного языка в ситуациях официального или неформального характера. Формулировки ментального языкового выбора, как правило, сопровождаются выражением мнения о том, «как надо», «как должно быть». «Практический» языковой выбор имеет два аспекта: с одной стороны, он выражается в реальном речевом поведении информантов, с другой — в оценке информантами своего речевого поведения в тех или иных ситуациях. Если практический языковой выбор в значительной степени отражает сложившуюся языковую ситуацию, то ментальный характеризует представления о языке, бытующие в данном обществе.

В ходе социолингвистических исследований в Харьковском и Киевском регионах в ряде случаев нами было зафиксировано противоречие между ментальным и практическим языковым выбором. Это в первую очередь оказалось характерным для молодых людей (до 25 лет), преимущественно жителей столицы. Владея русским и украинским языками, они чаще всего высказывались за то, чтобы украинский был единственным государственным языком, но признавали, что в семье и с друзьями гово-

рят по-русски. К этой категории относятся либо те информанты, которые имеют престижную работу в городе, либо студенты вуза, которые, по-видимому, осознают, что знание украинского языка способно повысить их социальную мобильность. Такое противоречие, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, юридические акты, на которых базируется языковое законодательство Украины (прежде всего, закон «О языках в УССР» 1989 г. и Конституция 1996 г.), несмотря на кажущееся концептуальное единство, обладают внутренними противоречиями. По мнению В. Колесника, положения таких юридических документов фактически узаконили в стране официальное двуязычие (Колісник 2003: 180).

Во-вторых, наблюдается несоответствие языкового законодательства и языковой ситуации. Так, русский язык, получивший статус языка национальных меньшинств, продолжает оставаться языком общения для значительной части населения Украины. Это связано как с недостаточной обеспеченностью ключевых положений юридических документов процессуальными нормами, так и с ограниченностью функций украинского языка.

В-третьих, на фоне названных противоречий исторически сложившееся тесное взаимодействие русского и украинского народов определяет высокую вариативность сочетаний факторов, влияющих на самоидентификацию.

Современная языковая ситуация, сложившаяся на Украине под влиянием указанных факторов, определяет «размытый» или «пограничный» характер идентичности, что проявилось при опросах молодых людей (до 25 лет). Одновременно с желанием соответствовать запросам времени и быть успешным членом современного украинского общества, гражданином Украины, обладающей всеми атрибутами независимого государства, в том числе и государственным языком, информанты стремятся по возможности сохранить комфорт в общении, используя в неофициальных ситуациях русский язык.

*И. Гэтка
(Варшава)*

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЯЗЫКЕ, САМОИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Цель настоящей статьи — представить некоторые общие замечания о языке, самоидентичности и национальной принадлежности жителей белорусско-русского пограничья моголевской области. Анализированный материал был собран во время полевых исследований, проведенных в рамках Международной гуманитарной школы Средне-Восточной Европы (МГШ) в июне 2004 года.

1) Главным фактором, определяющим национальную принадлежность, является место рождения и проживания в Белоруссии, как особое *ius sanguinis*, закон крови, который определяет национальность детей по национальности родителей.

2) В сознании жителей пограничья национальную принадлежность определяет также «формальный аспект». Понятие «паспортной» национальной принадлежности надо, однако, точно отделить от понятия самоидентификации населения.

3) Вопрос национального самоопределения жителей пограничья является сложным. Понятие национальности очень размыто в сознании наших собеседников. Нет также четкого представления других понятий, как напр. «восток» или «запад». Отсюда вытекает напр. специфическое определение национальности местных жителей, как «белорусско-русской», в отличие от нации «западников» — жителей Западной Белоруссии.

4) «Восток» ближе «запада» далекого, непонятного. «Восток» однако, вообще не отождествляется с Россией, он понимается скорее как их собственная «маленькая родина». Противопоставление «восток»-«запад» является также размытой, как понятие национальной самоидентификации.

5) Трудности с самоопределением связаны с неумением определить государственные границы Белоруссии — локальный мир «граничит» прежде всего с соседней территориальной единицей. Такое мировосприятие связано с административным делением Белоруссии — принадлежностью к конкретному избирательному округу, колхоза и т. п.

6) Это специфическое понимание национальности как белорусско-русской определяют как исторические, так и современные факторы: многовековая близость культур, общее православное вероисповедание (противопоставленное «католическому» вероисповеданию поляков и «западников»), традиции единого государства — Российской Империи и СССР (при чем, далеко не все отмечают его распад). Сила воздействия этих факторов приводит к тому, что определения «русский»- «белорусский» употребляются как синонимы.

7) Язык не является фактором, который определяет национальную — «паспортную» принадлежность. Имеет, однако, главное значение для самоидентификации, национального самоопределения собеседников. Влзость русской и белорусской стихии в их языке не обозначает «бинациональности» региона.

8) Языковую ситуацию пограничья нельзя определить как билингвизм. Язык, на котором общаются жители не связан ни с государством, ни с «паспортной» национальностью. Для характеристики языка жителей белорусско-русского пограничья уместно скорее всего понятие «локальности».

9) Проблемы с определением названия языка. Разнообразие терминов. Причины такого наименования. Отношение к литературному языку, к языку города, в противопоставление языку *простому, нашему*.

10) Общая лингвистическая характеристика языка жителей пограничья.

11) Заключительные замечания.

О. Ермишкина
(Санкт-Петербург)

ОЦЕНКИ ШКОЛЬНИКАМИ Г. ХАРЬКОВА РЕЧИ НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (УКРАИНСКОМ И РУССКОМ) И НА СУРЖИКЕ

Данный доклад посвящен эксперименту, который проводился среди учеников 10-х классов двух школ г. Харькова в октябре 2003 г. Эксперимент должен был выявить отношение испытуемых к трём языковым вариантам: к русскому, украинскому языкам и к суржику.

В качестве основы для эксперимента использовался текст на суржике, записанный от жительницы г. Харькова и подвергшийся небольшой адаптации. Текст был переведён на русский и украинский языки, и таким образом было получено три версии одного и того же текста на разных языковых вариантах.

После этого текст был произнесён двумя дикторами, каждый из которых читал текст в разных его вариантах. Всего получилось 6 записей текста, различающихся либо языком, либо диктором.

В эксперименте приняли участие ученики 10-х классов двух школ г. Харькова с русским языком преподавания (всего 49 опрошенных, большинство — 1988 г.р., уроженцы г. Харькова или области; около 90% — девочки).

Испытуемые должны были оценить, в какой степени дикторы обладают определёнными качествами. Для оценки дикторов использовался список из 10 прилагательных (*образованный, культурный, остроумный, открытый, уверенный в себе, честный, симпатичный, добрый, весёлый, эрудированный*) и шкалу семантического дифференциала (семибалльную, от 0 до 6 баллов).

Мы предполагали, что русский и украинский, как языки, обладающие литературной нормой, имеют больше шансов получить более высокие оценки по «статусным» шкалам (*образованный, культурный, уверенный в себе, эрудированный*), а суржик, являющийся разговорным вариантом, — по «аффективным» (*остроумный, открытый, честный, симпатичный, добрый, весёлый*).

Кроме этого, мы просили испытуемых отметить, на каком языке был, по их мнению, произнесён каждый из текстов.

В ходе анализа экспериментальных материалов были сделаны следующие выводы:

1. Оценки русского варианта текста были выше, чем оценки украинского.
2. Оценки украинского варианта текста были выше, чем оценки текста на суржике.
3. Первые два пункта одинаково справедливы для всех шкал, как для «статусных», так и для «аффективных» (таким образом исходная гипотеза не подтвердилась).

4. По большинству шкал (по всем статусным и нескольким аффективным) разница между оценками русского и украинского текста была выше, чем разница между оценками украинского и суржика.

5. По трём аффективным шкалам разница между оценками украинского и суржика была выше, чем между оценками русского и украинского.

6. Второй диктор получил более высокие оценки по всем шкалам, чем первый, однако влияние особенностей конкретного диктора на оценки оказалось менее существенно, чем влияние языка.

7. Испытуемые практически без ошибок опознают язык записи как русский, а суржик и украинский путают между собой.

Т. Журженко

(Харьков)

**НОВОЕ «ПОСТ-СОВЕТСКОЕ» ПОГРАНИЧЬЕ:
ностальгия, сопротивление переменам, адаптация
(на примере трех пограничных сел
в Харьковской области)**

The paper focuses on the role of the new border in the everyday life of people which live just some kilometers from it, their perceptions of and attitudes to this new reality. The new border interrupts or re-shapes the family ties, social and economic contacts, creates new advantages and disadvantages. At the same time, by integrating the new border into their everyday life, and through informal (and often illegal) practices of dealing with the fact of the border, the local population challenges (and changes) its formal regime and symbolic meaning. People adapt to the fact of the border, and at the same time adapt the border to their own needs.

The research was conducted in summer 2003 in three near border villages of the Kharkiv oblast' (Ukraine). All three villages are situated in the so called «controlled near border area». The three villages were chosen because of their different historical roots and supposedly different ethnic / linguistic identities. The research was based on focus group interviews and some additional individual interviews in the above-mentioned villages, on personal observations, some archive materials, media sources and statistical data.

*В. Колосова
(Санкт-Петербург)*

ГРАНИЦА МЕЖДУ СВОИМ И ЧУЖИМ: ЭТНОС, КОНФЕССИЯ, ВРЕМЯ

В докладе будут рассмотрены особенности ритуальной и бытовой жизни села Старые Бросковцы Сторожинецкого района Черновицкой области. Население смешанное – украинцы и румыны. Однако помимо стереотипных представлений этих этносов друг о друге в речи информантов можно услышать оценочные высказывания о других народах или этнических группах. В докладе планируется рассмотреть не только содержание этих стереотипов, но и их оценку, и ситуации, в которых они становятся актуальными.

В селе живут представители разных конфессий – православные, принадлежащие как к Московскому патриархату, так и к Украинской церкви, субботники.

Помимо представлений о других этносах и конфессиях, я намереваюсь также рассмотреть и другие «границы» – отношение жителей села к обычаям соседних сел, к смежной государственной принадлежности (многие мои информанты родились еще в то время, когда Буковина принадлежала Румынии), к тому, что было «раньше» и что изменилось «сейчас».

*О. Коновалова
(Санкт-Петербург)*

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ. К вопросу о языковом самосознании

В докладе предпринята попытка социолингвистического описания языковой ситуации на белорусско-российском пограничье. Доклад построен на материалах полевых исследований на территории Могилевской области республики Беларусь, проводившихся в июле 2005 года в рамках проекта «Беларусь и ее пограничье». Проект разработан Международной Гуманитарной школой при Центре исследования античных традиций Варшавского университета.

Целью настоящего исследования является выявление механизмов формирования языковой идентичности, а также определение корреляции между этнической и языковой идентичностями на территории белорусско-российского пограничья. Языковое самосознание жителей данного региона тесно связано с этническим самосознанием – одно и другое строятся вокруг понятия «смешанности».

При изучении идентичности особое внимание уделяется самоопределению жителей пограничья и выяснению мотивировок причисления «себя» и «других» к какой-либо группе. В данном регионе важнейшим критерием разделения на «своих» и «чужих» является язык. С учетом этого критерия местными жителями выделяется три основные группы: «чистые белорусы», «русские» и «смешанные». Кроме этого, в зависимости от ситуации, могут активизироваться противопоставления по вероисповеданию и территории проживания.

Исследование языкового самосознания базируется на мнении информантов относительно того или иного языкового варианта или языка (в данном случае речь идет о белорусском, русском языках и «смешанном» варианте). Акцент ставится на местных названиях и принципах различения разных языков и языковых вариантов. Задача исследования состоит в том, чтобы понять, как сами жители пограничья интерпретируют языковую ситуацию, сложившуюся в данном регионе, как они определяют и оценивают свой идиом.

В ходе работы учитывались как высказывания информантов, так и наблюдения исследователей, что дало возможность сделать предварительные выводы по поводу «воображаемой» и «действительной» языковой ситуации в изучаемом регионе.

*М. Красилов
(Харків)*

«МОСКАЛІ» ТА «ХАХЛИ» У ДЗЕРКАЛІ СЛОБОЖАНСЬКИХ НАРОДНИХ КАЗОК: спроба самоідентифікації

Характерна риса селянського побуту: репутація кожної людини залежить головним чином від того, що про неї кажуть найближчі сусіди. Однак характеристика, яку дають сусіди, стільки ж свідчить про певну особу, скільки про них самих, тобто одночасно є самохарактеристикою. Так само і у тому випадку, коли сусідами є дві етнічні групи.

Для чого складають казки чи анекдоти про представників різних етносів та націй? У першу чергу, щоб визначитися: х т о м и? я к і м и?

В українських казках, складених на території Слобідської України (переважно на Харківщині) і записаних у другій половині XIX ст., «москаль» має дві головні іпостасі:

1) хитруна, який намагається будь-якою ціною неодмінно обдурити «простого» «хах-ла» і взагалі «поїхати на хахлові»;

2) повного дурня (клінічний випадок), «абсурдної людини», яка взагалі нічого не тямить у житті і не знає найелементарніших речей. Цікаво, що у цих текстах фігу-

рує «московська громада», яка діє як одна людина – славнозвісне «общинное начало», «мир».

Відповідно «хахол» у цих казках – суперхитрун і суперрозумник, людина, яка міцно стоїть на землі і є, звісно, уособленням «нормальності» та здорового глузду (прагматизму). «Москалі» (як, до речі, і німці, і татари, і якоюсь мірою цигани) виявилися дуже корисними і вкрай необхідними персонажами, приглядаючись до яких, український селянин (за контрастом) зміг збагнути власну (справжню чи уявну – вже інше питання) ідентичність, виявити диференціюючі ознаки і скласти свою систему базових цінностей і життєвих пріоритетів.

*Марія Луцевич
(Варшава)*

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА БЕЛАРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ — пример деревни Соничи на Гродненщине

1. Языковое пограничье как часть проблематики пограничья в целом.
2. Роль интердисциплинарности в исследовании пограничья – социолингвистический аспект проблемы.
3. Деревня Соничи на Гродненщине как пример белорусско-польского языкового пограничья*.

1. Понятие географическо-территориального пограничья как исторически сложившегося феномена столкновения и взаимопроникновения разных народов и (или) этнических групп и, что из этого следует, разных культур и языков.

Разные пространственные виды пограничья (также языкового) – протяженное либо островное. Трудности в точной локализации пограничья в зависимости от того, какой аспект берётся во внимание.

2. Языковое пограничье и пограничье вообще как *социолингвистическая лаборатория*, для понимания сущности коей необходимо, во-первых, выяснить *исторические первопричины и процессы*, на него повлиявшие. Показателен в данном случае пример Сапоцкинского региона, который после третьего раздела Речи Посполитой Обоих Народов в 1793 г. принадлежал Пруссии и только во время первой мировой войны в 1939 г. перешёл к БССР. Безусловно, это повлияло на особенную национальную и

* С 2001 г. Центр Исследований Античного Наследия Варшавского Университета (ОВТА UW) проводит цикл научных сессий «Беларусь и её пограничья: история, культура, язык» под руководством профессор Эльжбеты Смулковой.

языковую ситуацию — тут мы имеем дело с **историческо-культурологическим** аспектом. Во-вторых, социолингвисты не могут обойтись без помощи исследований методами **этнологии, активного наблюдения** — так называемый **этнолого-социологический аспект**.

3. При характеристике языковой ситуации следует учитывать, по возможности, все **языки, входящие в контакт**, причины и результаты данных контактов (будет ли иметь место полилингвизм, билингвизм, диглоссия или ещё нечто).

На пограничьи вообще, и на Сапоцкинщине, в частности, стоит сторониться ото всяких обобщений, т. к. ситуация может отличаться в двух соседних деревнях.

Жители Сонич при первом контакте хотели показаться более польскоязычными, чем они есть. Имеет место идеолектальная дифференциация в зависимости от различных жизненных происшествий. С другой стороны, очевидно, что жители Сонич, особенно старшие, прекрасно владеют местным белорусским говором, говорят «на-просто». Обнаружены старые хозяйственные названия в белорусской версии, что может свидетельствовать о первостепенности именно белорусского говора на исследуемой территории. В собранном материале ярко видно, что сами собеседники исправлялись, переводили синтаксические кальки или же, просто, использовали цитаты из других языков, переключали языковые коды.

Таким образом, мы видим, что языковая ситуация и языковые контакты на белорусско-польском пограничье являются сложными и интересными и требуют глубокого междисциплинарного исследования.

*Е. Мельникова
(Санкт-Петербург)*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: стратегии «представления себя» советских мигрантов на территории бывшей финской Карелии

Одна из особенностей развития приграничных территорий связана с тем, что именно они в первую очередь оказываются субъектами международной политики в ситуации конфликта соседствующих государств. Изменения границ приводят к изменению статуса жителей а, зачастую, и к изменению всего состава населения.

Мой доклад посвящен одному из регионов, население которого полностью сменилось в ходе войны. Карельский перешеек и Приладожская Карелия были дважды переданы Финляндией Советскому Союзу: первый раз — в марте 1940-го года и затем, повторно — осенью 1944-го. И в 1940, и в 1944 годах финское население было эвакуи-

ровано с этих территорий, а в результате широкомасштабной переселенческой кампании сюда были перевезены выходцы из различных районов СССР: Белорусской и Украинской ССР, Чувашской, Мордовской АССР, Калининской, Кировской, Ярославской, Владимирской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Рязанской областей. Осуществление в короткие сроки плана заселения «новых районов» привело к тому, что большинство людей, оказавшихся непосредственными соседями, даже не были знакомы друг с другом. Освоение на новых землях означало в том числе и адаптацию в новом социальном окружении, создание новой социальной реальности, в которую переселенцы могли бы вписать себя и других. В процессе общения мигранты не только узнавали, но и создавали друг друга, пользуясь для этого теми инструментами, которые были в их распоряжении.

Целью моего доклада является анализ основных стратегий «представления» себя постсоветских мигрантов. Работа основывается на материалах экспедиций 2001–2003 годов, проводившихся на территории бывшей финской Карелии (п. Мельниково, г. Лахденпохья) в рамках международного проекта «The Conditions for Constructing New Russia. Interactions of Tradition and Europeaness in the Development of 20th Century Russia».

Записанные в ходе работы беседы с бывшими переселенцами в Карелию, в большинстве случаев имеют форму воспоминаний, однако, позволяют говорить, скорее, о существующих *сейчас* в этом районе способах «представления себя» и «других». Во-первых, это стратегия «толерантности», как ее можно назвать. В целом характерная для всех современных жителей Карелии и Карельского перешейка, она определяет их стремление подчеркнуть свою принадлежность к широкой категории «переселенцев» вообще, лояльность ко всем приезжим, и нежелание говорить об отличиях между ними.

Однако в большинстве случаев, стратегия «толерантности» соседствует в рассказах с представлением себя как части более узкой группы – носителей определенных признаков и общего названия. Описание собственных различий, как правило, предполагает апелляцию к различиям окружающих. Полученные материалы свидетельствуют о довольно пестрой картине местных взаимоотношений, где в качестве инструмента идентификации используется связь людей с местом рождения или отъезда. «Вологодские», «украинские», «белорусы», «чуваши», «мордва» – термины, которые активно используются переселенцами для обозначения друг друга.

Способы само- и взаимоописания оказываются очень стереотипны. С одной стороны, набор признаков, которыми рассказчики наделяют представителей тех или иных групп, повторяется во многих интервью. С другой – с помощью тех же самых признаков представители мини-сообществ описывают себя сами.

Особенность ситуации, на мой взгляд, заключается в том, что локальные идентичности переселенцев сформировались уже в Карелии. Заселение «новых районов» в послевоенные годы имело волнообразный характер. Сюда перевозились целые колхозы и обустроивались на новом месте, сохраняя прежнее название и состав. Выходцы из одного района нередко селились на компактной территории. Судя по

воспоминаниям местных жителей, они, как правило, знали, откуда приехала новая группа мигрантов. Эти ярлыки, предлагавшиеся, по всей видимости, местной администрацией, и стали главными инструментами конструирования внутренних границ сообщества.

И. Митин
(Москва)

МИФОГЕОГРАФИЯ: теоретическая рамка исследования множественных контекстов места и инструмент презентации городов-на-границе

Изучение *пространства города как системы смыслов или системы знаков* остаётся важным направлением ряда наук. В рамках *семиотики пространства* сложилось представление о множественных реальностях места, формирующихся в процессе семиозиса (интерпретации, восприятия и воображения мифологических пространств). Большое распространение в геурбанистике, психологии, географии, антропологии, теории архитектуры и др. получило изучение *сложившихся образов, мифов и стереотипов города*. Меньшее внимание было уделено *механизму формирования интерпретаций* городского пространства. Особую актуальность эта тематика получает в отношении изучения *пограничных пространств*: в рамках единого места здесь пересекаются множественные смыслы, противоречивые интерпретации культуры, истории и пространства.

Каждый город — это не просто реально наблюдаемые объекты. Необходимо говорить о том, что *каждое место воспринимается и интерпретируется*. В рамках *мифогеографии* возможна разработка модели системы пространственных смыслов — *палимпсеста*. Это множество разветвляющихся семиологических систем, поставленных в соответствие каждому конкретному месту. Палимпсест суть совокупность автономных пластов; каждый из пластов этой системы — это какое-то пространственное представление; один из *множественных контекстов места*, одна из его реальностей. В основе *механизма* создания множественных контекстов места — *семиозис пространственных мифов*.

Каждая комплексная географическая характеристика (КГХ) города (т.е. каждый пласт), построена как некая *целостность*; текст пласта направлен на объяснение главного признака этого набора — *доминанты*. Каждый контекст за счёт «стремления» к доминанте целостен, но неполон в силу *отбора* признаков. Эти правила создания контекстов места могут быть выведены в результате анализа теорий и концепций КГХ.

Рассмотрим пласты палимпсеста как пространственные мифы. Во-первых, контекст-миф *должен основываться на физической реальности*. Во-вторых, мы должны чётко себе представлять *потенциальных потребителей*, на которых нацелена наша реальность. В-третьих, рассматривая реальность как основу контекста-мифа, мы не должны забывать и о конструируемой людьми реальности, учитывая и сложившиеся в сознании установки, *некоторые стереотипы*.

Каждый созданный так пласт и есть *один из множественных контекстов* города – одна из его реальностей. Этими множественными контекстами (реальностями) мест и призвана заниматься *мифогеография*. Основной её инструмент – бесконечное число *игр с пространством*.

С одной стороны, мифогеография служит *теоретической рамкой* исследования множественных реальностью изучения места. Она позволяет понять, как могут *сосуществовать* противоречивые образы и ценностные установки в одном конкретном месте – а именно так зачастую и происходит в Пограничье. Мифогеография позволяет, в зависимости от условий, сформировать необходимый контекст-реальность места, выступая, таким образом, *инструментом презентации* города-на-границе.

С другой стороны, игры с пространством позволяет *намеренно* находить Пограничность как особый контекст многих мест. Действительность исторические, социальные, культурные, экономические особенности многих сёл и городов позволяют выделять в них *контактные зоны* взаимовлияния противоположных признаков, следы исторически существовавших границ и т.п. Это открывает возможности более полного отображения и богатой *интерпретации* пространственных смыслов места – *репрезентации* его как города-на-границе.

Теоретические положения доклада опираются на богатое поле полевых исследований в 20 регионах России.

*И. Олюнина
(Минск)*

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В докладе будут представлены основные тенденции изучения пограничного региона в польской историографии 20-х – 30-х гг. XX века. Особое внимание уделено позиции этносоциолога Ю. Обрембского, проводившего длительную стационарную экспедицию на территории Западного Полесья в 1934–1937гг.

Необходимо отметить, почему рассматриваются именно данная проблема и данный период. Известно, что нигде так ярко не проявляется национальное самосознание, как в отношении к другим народам, в частности к своим ближайшим соседям. Польские авторы, писавшие о Полесье в последние десятилетия XIX и в начале XX века, нередко указывали, что в смысле этнографического познания этот край является «terra incognita». Возрождение и воссоединение Польши после Первой Мировой войны породило среди польской интеллигенции «чувство цивилизационной миссии». Польские чиновники рассматривали пребывание региона Западной Беларуси в своем составе как возможность возрождения этих земель, выравнива-

ния их до общего экономического и социального уровня. Именно в этот период происходит всплеск интереса к проблематике Полесья и формирования нации среди самых разных ученых — этнографов, фольклористов, историков, языковедов. Можно отметить самых известных: Оскар Кольберг, Ян Быстронь, Людвик Кжывицкий, Ян Чекановский, Казимир Добровольский, Станислав Понятовский, Чеслав Петкевич. Мнения ученых во многом расходятся, что объясняется малоизученностью региона. Тем не менее, изучение края польскими этнографами и фольклористами принесло свои плоды: уникальная экспедиция, которую провёл в 1934–1937 гг. Юзеф Обрембский (1905–1967) — этнограф, этнолог и социолог, ученик Казимира Мошинского и Казимира Нича, Бронислава Малиновского и Флориана Знанецкого, один из первых антропологов, проводивших в первой половине XX века профессиональные полевые исследования: на Балканах, Полесье и Ямайке. Именно благодаря изучению Полесья он стал известен как автор работ, посвященных теории этнических групп и формирования нации. Результатом этой экспедиции стал обширный материал (около 1500 фотографий и негативов, а также тысячи страниц полевых заметок), собранный в Кобринском, Косовском, Лунинецком, Пинском и Столинском поветах Полесского воеводства, а также Кастановском, Ковельском и Сарненском поветах Вольнского воеводства. Обрембский подчеркивал, что культурная ассимиляция полешука, даже скорее ориентирование на польские культурные образцы, его двуязычие, иногда даже трехязычие, не являются признаками его социальной ассимиляции, его вхождения в польский народ. В современных ему жителях Полесья Обрембский видит дезорганизованную этническую группу, которая сконцентрирована на своей традиционной системе земледелия, она подлежит распаду, прежде всего, в результате появления новых стремлений к улучшению своего быта и повышению социальной роли. Тем не менее, это действительно пограничная, «буферная» группа со своими языковыми и психологическими особенностями, находящаяся в переходном периоде и характеризующаяся теми процессами, которые свойственны начальному этапу формирования нации.

*Т. Сабурова
(Омск)*

ГРАНИЦА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ В ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕННОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

Для реконструкции картины мира человека, социальной группы, общества определенной эпохи важно изучение не только пространственных представлений, но и представлений о времени. В общей системе координат семиосферы выделяется как пространственная ось (внутреннее и внешнее пространство), так и временная ось

(прошлое, настоящее, будущее). Типологическая характеристика культуры основывается на соответствующих пространственно-временных характеристиках, составляющих единство хронотопа (по М. М. Бахтину). Поэтому понятие границы принадлежит как сфере пространственных представлений, так и темпоральных. Двойной смысл и функция границы, как соединяющей и разделяющей (по Ю. М. Лотману), в полной мере реализуется в темпоральных представлениях. Если на уровне пространственных представлений граница служит механизмом перевода, трансформации внешнего во внутреннее, то на уровне темпоральных представлений граница осуществляет перевод прошлого в настоящее, внедрение и фильтрацию текста прошлого в текст настоящего. Граница темпоральная разделяет и одновременно соединяет разные модусы времени.

Важно заметить, что появление представления о темпоральной границе, ее осмысление является характерной чертой определенной модели восприятия времени, и это явление более позднее, по сравнению с представлениями о пространственной границе. Граница в представлениях о времени формируется в процессе темпорализации сознания, появления времени как философской и исторической категории, разделения и осмыслении связи прошлого, настоящего, будущего.

Граница между прошлым и настоящим в темпоральных представлениях является активной зоной смыслообразования, определяет космологическую или историческую модель восприятия времени (по Б. А. Успенскому). Различные образы прошлого и соответственно различные образы настоящего сформировали в русском общественном сознании конца XVIII – начала XIX веков сложную темпоральную карту, на которой границы между прошлым и настоящим только начинали проводиться. Прошлое могло восприниматься как настоящее и даже как будущее, не отделяясь от них. Особое значение приобретала граница между античным прошлым и российским настоящим (соответственно между греческим и римским прошлым), между прошлым древнерусским и настоящим, между XVIII и XIX веком. На границе античного прошлого и русского настоящего рождалась национальная интерпретация античного наследия, на границе русского прошлого и настоящего формировалось русское национальное самосознание. Но при этом в темпоральных представлениях русского общества явственно выделяется и подчеркивается связь времен, а не их разделение. На первый план, с аксиологической точки зрения, выходит соединяющая функция границы.

Необходимо выделить и границу между прошлым своим и прошлым чужим, особенно актуальную для русского общества в этот период. Просветительская парадигма, утверждавшая принцип единства человеческой природы, предоставляла широкие возможности как для преодоления границы между различными прошлыми, так и между прошлым и настоящим. Освоение европейского прошлого или присвоение европейского прошлого русским просвещенным обществом стирало границу между Россией и Европой в пространственном отношении. Восприятие темпоральной границы определяло восприятие границы пространственной, и наоборот, подтверждая единство хронотопа.

О. Титар
(Харків)

ТЕРИТОРІЯ МЕЖОВОЇ ЗОНИ В УКРАЇНСЬКОМУ КУЛЬТУРНОМУ ЛАНДШАФТІ

Аналізуються значення метафори території для функціонування національних ідентичностей, архаїчні та сучасні різновиди цієї метафори в культурі українських регіонів

Meanings of the territorial metaphor for national identity function, archaic and contemporary types of the metaphor in regional Ukrainian culture are analyzed

Національна ідентичність часто втілюється як сукупність щоденних і святкових практик, звичаїв та ритуалів, артефактів, діалектних та інших мовних особливостей. Крім того, національна ідентичність уособлюється у певні знакові суспільні фігури з історичного минулого, політики, літератури, спорту тощо, які стають об'єктом дослідження у ролі «вираження суспільних уявлень» [5].

Це дві основні групи – історичні та сучасні міфологічні герої, що можуть стати зразком індивідуальної поведінки, і суспільні репрезентації, що втілюють групові соціальні очікування, образ країни (Кобзар, Термінатор та політичні, спортивні, мас – медійні образи). Незважаючи на це, одним з головних факторів національної ідентичності залишається територія, навіть коли вона використовується як метафора.

Політична спільнота може мати культурну різноманітність, диференційованість, де різні культурні фрагменти доповнюють один одного. Регіональні особливості виявляються в адміністративно-економічних перевагах, спортивних, смакових, поведінкових, мовних відмінностях. Останнім часом дуже важливими стають телевізійні репрезентації, наявність тих телевізійних програм, що виражають регіональні, іноді навіть міські, більш локальні особливості. Наприклад, в британській культурній спільноті функціонує уельська мова та діє з 1982 року білінгвістичний канал «Sianel Pedwar Cymru», більшість з програм якого йдуть уельською мовою та відображають відповідну ідентичність [5].

У Східній Україні більшість регіональних програм та каналів зароджувались як російськомовні, лише останнім часом збільшується відсоток україномовного ведення. Незважаючи на це, подібні програми також підкреслюють, у першу чергу, регіональні особливості.

Мета статті – розкрити метафори території в архаїчному та сучасному значенні у житті регіональних культурних утворень.

Для архаїчних суспільств характерний чіткий поділ на свій – чужий, межове належить простору не-свого, отже, однозначно ворожого. Контактні зони, зони межового спілкування з'являються в результаті суспільної еволюції архаїчної свідомості.

Архаїчна свідомість завжди отожднює територію з її насельниками, тими людьми, що «природно», споконвічно з нею пов'язані, для неї будь-який сусід – це в першу чергу претендент на цю територію.

Дослідники архаїчних суспільств відмічають, що мистецтво орієнтації у просторі та виявлення своєї власної території є характерною рисою більшості племен [3], [6].

Зв'язок «за місцевістю» є дуже важливим. Ця «спорідненість за місцевістю» (local relationship) виявляється у тому, що люди, які живуть на сусідніх територіях, більш тісно пов'язані між собою, вони мають часто спільне міфологічне походження, спільних магічних покровителів та спільний ландшафт, що сприймається як прояв суспільного життя даних груп.

Духи місцевості допомагають їм традиційним жителям, нейтральні відносно сусідів та можуть нанести шкоду чужинцям або тим, хто виступає спільником чужинця. Метафора землі, території як породжуючої матері-годувальниці знаходиться для архаїчної свідомості у сфері, наближеній до реальності.

Природний, рослинний та тваринний світ, звичний рельєф – це певна екологічна спільнота, розривати зв'язки якої з людиною, на думку архаїчної свідомості, злочинно, природний зв'язок з магічними силами-покровителями території важливий на стадії тотемістичних уявлень та зростання тотемістичних центрів [6, с. 167].

Тоти ми тут виступають як символи деяких територій, де вони переважно зустрічаються, символи священної країни, з якими присутній безпосередній духовний зв'язок, що сприймається не як випадковість, а як доля племені, що передається від покоління до покоління. Стосовно Східної України – це напівзабуті калина, бузок, лебідь, лелека, байбак, чабрець, барвінок, полин тощо.

Релігійне життя пов'язане з певною територією, на ранній стадії духовність не можлива сама по собі, вона обов'язково локалізується, залежить від природного простору, пейзаж виступає як зафіксований міф, що має містичне значення [3, с. 306–312].

З десакралізацією світу у XIX–XX ст. власне релігійні складові часто замінялися національними, державницькими, але міфологія території, спорідненості за територією відіграла в історії XX ст. також дуже важливу роль, тобто релігія використовувала тотемно-територіальні уявлення про «спорідненість за місцевістю», а з раціоналізацією релігії саме ці взаємозв'язки локального характеру залишилися факторами міцного позараціонального емоційного впливу.

Архаїчні елементи у свідомості сучасної людини, перш за все, відіграють роль відчуття належності до певної соціальної групи, емоційно пов'язаної уявної родини, відчуття захисту та належного розуміння (комунікативності, ширості, сердечності, родинності, справжності, екзистенційності спілкування).

Ернест Гелнер поділяє культури на дикі, що відтворюються спонтанно, та садові, високі культури, що підтримуються спеціалізованим персоналом та науковими установами. Принцип дикої, архаїчної культури присутній і в високих культурах, але у високих культурах необхідно присутня політична підтримка, спільна писемність та спільний розроблений код, тобто висока культура необхідно підтримується політичною інфраструктурою (державою) та необхідною освіченістю та стилем спілкування (спільний комунікативний простір).

Людина індустріальної епохи, людина високої культури живе у штучно створеному просторі, природна «священна» територія перетворюється на територію можливого спілкування:

«Отже, вона живе в обмежених спеціально споруджених блоках, на кшталт гігантського акваріуму або дихальної камери. Але ці камери мають встановлюватися та обслуговуватися. (...) Для цього потрібний спеціалізований завод. Назва цього заводу – національна освітня та комунікативна система»[2, с.304].

Одним з головних принципів високої сучасної культури, на відміну від архаїчної, є принцип націоналізму, що заснований на національному самообожненні, на архаїчній стадії такого самообожнення зазнають насамперед природні сили, природне оточуюче середовище. Тобто, територія із природного екологічного середовища перетворюється на місце функціонування спільного комунікативного коду, символи якого спрямовані на національне, а не природно-містичне вираження.

Джоркгейм, що приймає позицію соціального коріння будь-якої релігії, вважає, що у релігійному культі суспільство обожає свій власний замаскований образ.

З десакарлізацією світу цей релігійний посередник для суспільства стає не таким важливим. І тоді, за словами Е. Гелнера, «в націоналістичну добу суспільства обожають себе безсоромно та відкрито, зневажливо відкидаючи камуфляж»[2, с.308].

Висока культура пов'язана з технологічним спілкуванням та рано чи пізніше з необхідністю виникає безособове суспільство із взаємозамінними атомізованими індивідами, що належать одному культурному та національному кодові.

Тобто, ідеї нації, націоналізму, високої індустріальної культури породжують два протилежно спрямовані явища:

- штучну національну соціальну структуру універсального характеру (нормативну національну державу);
- втілення національних та територіальних очікувань окремого індивіда в емоційно забарвлених формах (етнічна музика, фольклор, екологічний рух сільського, натурального життя, автентичні види спорту, повернення до етнічних релігій, підкреслення псевдо-архаїчних рис мистецтва, психотехніки апеляції до етнічних архетипів тощо).

Територія у такому контексті сприймається з двох позицій: територія функціонування національних державних уніфікованих норм та територія особистого емоційного спілкування, родового минулого.

Це додатково конотується ще позицією присутності та відродження архаїчних принципів: територія як природне екологічне середовище, що знаходиться у небезпеці від технологій високої культури, та як сукупність природних магічних сил, священної країни батьків та прабатьків.

Як зазначає Е. Гелнер, двоє людей належать до однієї нації тоді і лише тоді, коли вони визнають свою належність до цієї нації [2, с.298]. Територію функціонування державних норм необхідно визнавати, але територія особистого та родового спілкування потребує емоційної переконливості та щоденної важливості.

Це коли двох людей об'єднує спільна культура, спільна система ідей, способів поведінки та спілкування, знаків, спільних життєвих ситуацій та минулого досвіду. Спільна культура може бути як сучасною, так і з архаїчним корінням.

При наявності як фактору сучасної культури, яка об'єднує у націю двох людей, все частіше використовуються поняття вигнання, міграції, безкорінності, нестійкості традиції, фрагментарності, мозаїчності тощо. Це поняття прискорених соціальних змін сучасної людини, коли територія як реальний матеріальний об'єкт втрачається/часто змінюється та замінюється духовним культурним простором. Це так звана духовна культурна міграція, номадизм, коли люди переймають звичаї сучасного світу та стають «духовними іммігрантами». Стійкі уподобання архаїчної та домодерної людини руйнуються, динамізуються, та люди стають «психічно мобільними» [2], [5].

Також часто застосовується термін «генерації X» – від твору Дугласа Коупланда «Генерація X», присвяченому питанню споживацької культури молодого покоління, що народжено у 60-ті роки ХХ ст., для якого характерні постійні спроби самовизначення та вираження себе. «Генерація X» асоціюється з більш гнучкою системою ідентичностей, мільйонними смаками у сфері одягу, спілкування, вибору професії та місця проживання. Це постіндустріальні, постмодерні групи людей, що просякнуті ідеєю різноманітності, мультиетнічності.

Незважаючи на помітні соціальні та культурні зміни, для більшості територіальна ознака залишається домінуючою при виробленні первісної ідентичності, контактні, межові зони мають етнічний характер (крос-культурні, перехресні контакти сусідніх чи урбаністично організованих мультикультур), віковий (спілкування між поколіннями, моменти суспільних ініціацій), гендерний (патріархатна культура чоловіча та сучасна чоловіча культура, унісекс урбанізму, традиційні жіночі та феміністські стратегії тощо).

Стосовно східного регіону України, наприклад, Харкову, національні ідентичності зазнають сильного регіонального та державного тиску. Символічна трансформація «територія як форма національних державних норм» спрямована на «територію як форму регіонального та державного успіху», що необхідно повинна включати й індивідуальні успіхи, отже, «територію особистого емоційного спілкування». Це відобразилось у заходах та промовах з нагоди святкування 350-річчя Харкова.

Харківський міський голова В. Шумілкін на питання газети «Время», що означає слово «харківський» з точки зору харківської влади, відповів: «Ми завжди говоримо про те, що національна ідея здатна підняти країну..Харківська ідея посує наше місто на зовсім інший рівень розвитку (...). Головне для нас – допомогти кожному харків'янину повірити у себе, і допомогти реалізувати таланти у своїй вітчизні та своєму місті». Як прикметну рису «харківського» та «харківської влади» голова Харківської облдержадміністрації Є.Кушнар'ов, у відповідь на те саме запитання, відмітив «постійний діалог з харківським співтовариством»[1].

У інтерв'ю в «Урядовому кур'єрі» В. Шумілкін наголошував, що дуже важлива популяризація міста, «збереження та примноження культурної спадщини». Це як реконструкція будівель та вулиць, будівництво нових станцій метро, так і відкриття пам'ятників (генерал-губернатору Харківського намісництва Є. Щербініну, засновникам Харкова) та меморіальних дошок (художнику С. Васильківському, вченому та етнографу М. Сумцову, міським головам О. Погорелку та Є. Урюпіну), вручення місту Почесного прапора Ради Європи та встановлення прапора міста в Гімалаях. Тобто, це діяльність по реконструкції та архітектурному оздобленню міста; по створенню позитивного

іміджу регіону; відновлення історичної пам'яті та встановлення нових знакових її позначень.

Таким чином, це підкреслення території регіональних успіхів у межах національно-державних норм: «свято Харкова стало справою всієї країни», «наше місто – молоде», «все, що відбувається у Харкові – добре, і не зовсім – робиться самими харків'янами» [4].

Висновки. На території Слобожанщини головними контактними зонами залишаються зони української та російської культури, урбаністична та домодерна, національна та мультикультурна великого міста, інформаційна та традиційна. Територія межової зони у сучасній культурі Східної України сприймається у вигляді трьох головних різновидів цієї метафори: «територія функціонування національних державних уніфікованих норм», «територія як форма регіонального успіху» та «територія особистого емоційного спілкування».

Література

1. Время. 2004. 21 авг. (№ 94).
2. Гелнер Е. Нації та націоналізм // Націоналізм: Антологія / Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий. Київ, 2000. С. 292–310.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 518 с.
4. Урядовий кур'єр. 2004. 19 серп. (№ 156). С. 10.
5. British cultural identities / Ed. Storry M., Childs P. London: Routledge, 1997. 350 p.
6. Radcliff-Brown A. R. Three tribes of Western Australia // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1913. XLIII. P. 165–171.

*П. Церашковіч
(Мінск)*

САЦЫЯЛЬНЫЯ РЭСУРСЫ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ РУХАЎ У РЭГІЁНЕ ПАМЕЖЖА БЕЛАРУСЬ, УКРАЇНА, МАЛДОВА (XIX — пач. XX ст.)

Міраслаў Грох, вядомы чэшскі даследчык ў сваёй манаграфіі «Сацыяльная прадумова нацыянальнага адраджэння ў Еўропе» (1985, 2000) зважаў, што бадай што самым цяжкім у тэарэтычным асэнсаванні працэсаў утварэння нацый з'яўляецца адказ на пытанне, чаму некаторыя нацыянальныя рухі былі больш паспяховымі за іншыя [11,

с.83]. Праўнальны аналіз развіцця беларускага і ўкраінскага рухаў дазваляе ў значнай ступені вырашыць гэтую праблему, асабліва пры ўліку агульнага падабенства палітычных і сацыяльных умоваў развіцця нацыянальных працэсаў.

Трэба адзначыць, што гэты сюжэт ужо прыцягваў да сябе ўвагу даследчыкаў. Шмат хто з іх, напрыклад М. Грох, М. Вальденберг, С. Екельчык звярталі ўвагу на, галоўным чынам, падабенства гэтых працэсаў [11, 12, 14, 2]. У тым ліку згадваліся перавага сямства ў сацыяльнай структуры, аднолькавая «стартавая» умовы (адсутнасць якой-небудзь формы палітычнай аўтаноміі), негатыўны ўплыў палітыкі расійскай адміністрацыі і г. д. Характэрна, што, напрыклад, М. Грох лічыў, што і ў пачатку 1990-х гг. беларускі і ўкраінскі нацыянальныя рухі знаходзіліся на адной той жа ступені развіцця (адноўленай (раней перарванай) фазе «Б», значыць, фазе нацыянальнай агітацыі, што папярэднічае ўласна масаваму руху) [12, с. 97].

У той жа час, некаторыя даследчыкі, адзначаючы падабенства, спрабавалі патлумачыць і адрозненні. Так, Р. Радзiк, акцэнтаваў увагу на ролі уніяцкай царквы, Я. Грыцак і С. Токць — на значэнні гістарычнай памяці і ролі Галіцыі (як аналага П'емонту), як фактараў, што спрыялі развіццю ўкраінскага руху [13, 1, 8]. Апошняя сцвяржэнне падзелі і А. Латшонак [3, с. 14]. А на думку С. Гуціера большы размах ўкраінскага руху тлумачыцца адноснай шматлікасцю інтэлегенцыі [цытуецца па 1, с. 100].

На наш погляд, адрозненні ў тэмпах развіцця нацыянальнай кансалідацыі, і, адпаведна, фактары, якія іх выклікалі, былі куды больш істотнымі. Паспрабуем прадеманстраваць гэта на дзвух, дастаткова красамоўных прыкладах. Ёсць шмат падабенства ў лёсах дзвух гісторыкаў, амаль аднагодкаў, якія амаль адначасова вучыліся ў Кіеўскім універсітэце, М. Грушэўскага і М. Доўнар-Запольскага. Аднак, другі не стаў старшынёй Беларускай Цэнтральнай Рады і не стварыў штосці падобнага па памерах і значэнню адпаведнага «Історіі Украіны-Русі». І справа тут не ў адсутнасці ў М. Доўнар-Запольскага таленту, працавітасці ці патрыятызму. Справа ў нечым іншым. Прыклад другі. Па звестках Я. Грыцака на выбарах ва Устаноўчы сход у 1917 г. Украінскія партыі падтрымала 5 міль. чалавек і яны значна апырэдзілі ўсе рускія партыі ва Украіне [1, с. 117]. У той жа час беларускія партыі і аб'яднанні на тых самых выбарах сабралі толькі 19 тыс. галасоў (0,59 % ад усіх) [6, с. 164]. Кантраст відавочны. І ён патрабуе больш падрабязнага і ўважлівага тлумачэння.

Разгледзім спачатку ўжо заяўленыя версіі, сярод якіх ці не найбольш папулярная заснавана на ролі Усходняй Галіцыі — «Украінскага П'емонту» у развіцці ўкраінскага нацыянальнага руху. На наш погляд, па-першае, такое параўнанне далёка не бездакорнае, бо роля П'емонту ў аб'яднанні Італіі была, ў значнай ступені, іншая. Па-другое, ня трэба перабольшаваць значэнне Галіччыны. Неабходна ўлічваць, што ўкраінскі рух тут быў вымушаны канкуруіраваць (што яму не заўсёды добра удавалася, напрыклад ў 1860–1880-ых гг.) з масквафільскім. Да таго ж трэба даць, што ўкраінцы ва Усходняй Галіцыі падвяргаліся даволі заўважнай асіміляцыі: з 1880 па 1910 гг. іх удзельна вага скарацілася з 64,7 % да 58,9 % ад усяго насельніцтва [10, с. 480]. На наш погляд, ўкраінскі рух на наддніпроўскай Украіне меў ўсе шанцы на поспех, нават калі б галіцыйскага фактара не існавала ўвогуле. Аб гэтым сведчыць этнічная гісторыя іншых народаў Расійскай імперыі, напрыклад, эстонцаў, фінаў, латышоў, якія кансалідаваліся ў нацыі без якіх небудзь «П'емонтаў».

Што ж тычыцца ролі ўніяцтва, скасаванню якога на Беларусі схільны надаваць фатальнае значэнне ў апазненні беларускага нацыянальнага руху Р. Радзiк [13, с. 261], то тут трэба мець на ўвазе наступнае. Уніяцтва, сапараўды, шмат у чым паспрыяла развіццю галіцыйскага украінскага руху. Але справа тут не ва ўніяцтве як такім, а у тым месце, якое яно займала ў сістэме сацыяльных і палітычных адносін у Галіцыі і Аўстрыйскай імперыі ў цэлым. Справа ў палітыцы Марыі-Тэрэзіі ў адносінах да ўніятаў, накіраванай на прадстаўленне роўных правоў з каталікамі і развіццё ўніяцкай адукацыі. Да гэтага трэба дадаць і вынікі, няхай і не паслядоўных, рэформаў Іосіфа II, якія ўсёж такі зрабілі сялян асабіста незалежнымі ад памешчыкаў. А яе наўнасць лічыцца адным з неабходных фактараў паспяховага развіцця нацыянальнага руху. Адзінчым што захаванне ўніяцтва на Вальні і Падоллі да 1839 г. не пакінула не толькі падобных на Галіччыну, але і ўвогуле якіх-небудзь наступстваў для развіцця тут украінскага руху. Дадазім, што і на Беларусі, нават пры наўнасці настолькі моцнага фактара як Віленскі ўніверсітэт, уніяцтва не паспрыяла настолькі ж моцнай артыкуляцыі этнічнасці, як той, што была зроблена ў выданні «Русалкі Дністроўі» (1837).

На наш погляд, адрозненні паміж тэмпамі развіцця кансалідацыі ўкраінскай і беларускай нацыяў палягаюць, у першую чаргу, у значных адрозненнях этнасацыяльнай структуры насельніцтва. Менавіта скрозь гэтую прызму трэба разглядаць і значэнне фактара «гістарычнай памяці аб Гетманшчыне». М. Грох адзначае, што паспяховасць нацыянальнага руху залежыць ад наўнасці ў грамадстве сацыяльнага канфікта, які патэнцыяльна можна артыкуляваць у нацыянальна-культурнай форме [11, с. 87–88]. З гэтага пункту гледжання гістарычная памяць становіцца сапраўды фактарам развіцця руху, калі з ёй звязаны канкрэтныя сацыяльныя ці эканамічныя інтарэсы дастакова шматлікіх сацыяльных груп насельніцтва (прынамсі большых, чым кола прафесійных гісторыкаў і аматараў старажытнасці). Да такіх групаў ва Украіне трэба, па-першае, аднесці частку шляхты, у асяроддзі якой у к. XVIII ст. утварылася кола «аўтанамістаў» і была знойдзена (ці створана) «Істория Русов». Па-другое, шматлікае «маларасійскае казацтва», якое ў 1817 г. складала 13,8 % падатнага насельніцтва Украіны (496 тыс. чалавек). Падкрэслім, што ў Паўтаўскай губерні казакі складалі 42 % падатнага насельніцтва, Чарнігаўскай – 30 %, Екацярынаслаўскай – 16,3 %, Херсонскай – 8,3 % [падлічана аўтарам па 5]. Да 1858 г. пераважная большасць іх была пераведзена ў становішча казенных сялян, што адчувальна адбілася на сацыяльным самапачуцці. І нарэшце, па-трэцяе, найбольш балючы ўдар у выніку скасавання Гетманшчыны, атрымала ўкраінскае сялянства на Левабярэжжы, для якога яно азначала прымусовае прымацаванне да зямлі. Невыпадкава, што менавіта з гэтых сацыяльных груповак рэкрутавалася значная частка актывістаў украінскага руху. Залішне бедзе казаць аб адсутнасці значных па колькасці адпаведных пластоў насельніцтва ў Беларусі.

Дадазім да гэтага, што на працягу першай паловы XIX ст. сацыяльныя структуры Украіны і Беларусі развіваліся ці не ў розных накірунках. Так у 1817 г. удзельная вага асноўнага кампанента структуры – прыгонных сялян была амаль аднолькавай – адпаведна 55,6 % і 57 % ад усяго падатнага насельніцтва. Аднак у 1834 г. гэтыя суадносіны сталі адпаведна 56,8 % ва Украіне і 64,8 % у Беларусі [падлічана аўтарам па 5]. У 1858 г. доля прыгонных ва Украіне складала 44,2 % ад усяго насельніцтва (на Левабярэжжы, найбольш актыўным у нацыянальным руху – толькі 37 %), а ў Беларусі –

61,8 %. Дадам, што гэты паказчык у Беларусі быў значна вышэйшым, чым у сярэднім па імперыі (37,5 %) [падлічана аўтарам па 7].

Ангельскі даследчык Дж. Брулі на падставе аналізу ролі розных сацыяльных груп-вак у развіцці нацыянальных рухаў прыйшоў да высновы, што найбольшае значэнне ў ім мае гарадское дробна-буржуазнае насельніцтва (як масавая аснова) і інтэлегенцыя (як група, здольная да выпрацоўкі нацыянальных мітаў да і ідэялогіі) [9, с.34, 49]. «Сацыяльны рэсурс» Беларусі і Украіны ў гэтых адносінах так сама моцна адрозніваюцца. Згодна з дадзенымі на 1817 г., калі гарадскія саслоўі падзяляліся на «хрысціян» і «яўрэяў», ва Украіне хрысціяне складалі 86,1 % купцоў і 44,8 % мяшчан (у Беларусі адпаведна 27,2 % і 21,1 %). Пры тым, калі сітуацыя ў Валынскай і Падольскай губерніях была падобная на беларускую – «хрысціяне» тут складалі 36,2 % купцоў і 12,7 % мяшчан, то ў Паўтаўскай, Чарнігаўскай і Кацярынаслаўскай губерніях яна прыняцкова адрознівалася – тут гэтыя паказчыкі склалі адпаведна 95 % і 82,4 %. Калі ўлічваць, што ўдзельная вага каталікоў у апошнім рэгіёне была мізэрнай (ад 0,06 да 0,6 %), а маштабная міграцыя рускіх яшчэ не пачалася, то не цяжка прадпалажыць, што пераважную большасць «хрысціян» складалі менавіта ўкраінцы [падлічана аўтарам па 5].

Адзначым, што хаця на пры канцы стагоддзя сітуацыя ва Украіне значна зменілася не на карысць украінцаў, яна тым не менш як і раней істотна адрознівалася ад беларускай. Так, у гарадах Украіны украінцы складалі 32,27 % усіх жыхароў, беларусы адпаведна, толькі 16,52 % [гэтыя і ніжэй падазеныя звесткі, падлічаны аўтарам па 4]. Трэба пры гэтым падкрэсліць, што ў гарадах Чарнігаўскай губерніі украінцы складалі 48,79 % жыхароў, Харкаўскай – 54,11 %, Паўтаўскай – 57,15 %. Доля ўкраінцаў-гараджанаў ад усіх украінцаў (5,52 %) большч чым удвая перавышала адпаведны паказчык у беларусаў (2,27 %). У структуры мяшчанскага саслоўя украінцы складалі 27,29 %, беларусы – 20,94 %, купецтва, адпаведна, 7,39 % і 1,89 %.

Сярод большасці тых, хто быў заняты ў інтэлектуальнай сферы сітуацыя была больш-менш падобнай. Сярод чыноўнікаў украінцы складалі 40,8 %, беларусы – 38,7 %, праваслаўнага духавенства, адпаведна, 53,3 % і 47,3 %, настаўнікаў – 22,5 % і 20,6 %, дактароў – 31,3 % і 24,5 %. Дж. Брулі, аднак, падкрэслівае, што ў развіцці нацыянальных, ды і ўвогуле палітычных рухаў, галоўную ролю адыгрывае не інтэлігенцыя масавых прафесій, але такія групы як юрысты, журналісты, прафесары ўніверсітэтаў [9, с.49]. Так, сярод прыватных юрыстаў украінцы складалі 17 %, беларусы – толькі 9,9 %. Пры гэтым істотна адрозніваліся і абсалютныя лічбы: 442 юрыста-украінца і 60 – беларусаў. Падобная сітуацыя існавала і сярод занятых у галіне навукі, літаратуры і мастацтва. Украінцы (усяго 467 чалавек) склалі 11,5 % гэтай групы, беларусы (89) – 9,7 %. А аб наяўнасці колькі небудзь сгрупаванай беларускай прафесуры, па зразумелых прычынах, увогуле гаварыць немагчыма.

Падкрэслію, што наяўнасць універсітэцкіх цэнтраў стварыла значна лепшыя ўмовы дзеля развіцця ўкраінскага нацыянальнага руху, не толькі з пункту гледжання магчымасці выпрацоўкі нацыянальнай ідэялогіі, але і з пункту гледжання стварэння магчымасцей дзеля вертыкальнай сацыяльнай мабільнасці.

Так кожныя на 10.000 украінцаў прыходзілася 27 асобаў з адукацыяй вышэй за пачатковую, а ў беларусаў – толькі 18. Пры гэтым гісторыя фарміравання ўкраінскай нацыі

сведчыць, што менавіта канцэнтрацыя адукаванага насельніцтва стварае умовы да ўтварэння цэнтраў нацыянальнага руху. Так, у Кіеўскай губерні на кожныя 10.000 украінцаў прыходзілася 49 чалавек с адукацыяй вышэй за пачатковую, а ў Паўтаўскай – нават 85 (гэта значыць адпаведна 1,8 і 3,1 раза вышэй сярэдняга узроўню). Агульная колькасць украінцаў з адукацыяй вышэй за пачатковую складала 44721, у беларусаў – 8320. Да гэтага трэба дадаць, што ва Украіне налічвалася 348 сялян з універсітэцкай адукацыяй (у Кіеўскай губерні – 120), а ў Беларусі – толькі 17.

Разам з тым, калі параўноўваць такі істотны сацыяльны рэсурс, як пісьменнае насельніцтва, то ўкраінцы і беларусы знаходзіліся у прыкладна падобнай сітуацыі. Узровень пісьменнаці сярод беларусаў (у абсалютных паказчыках) был нават вышэй (13,5%), чым сярод украінцаў (12,9%). Калі ўзгадаць прыклады латышоў і эстонцаў ды і іншых народаў, то можна зрабіць выснову, што поспех нацыянальнага руху залежыць ад балансу паміж сацыяльнай групай «генератараў» нацыянальнай ідэі (інтэлектуалаў «вольных прафесій») і яе патэнцыяльнай аўдыторыяй (пісьменным насельніцтвам). Відавочна, што і ў украінцаў і ў беларусаў такі баланс не склаўся і менавіта гэтым тлумачыцца параўнальная неспаспяхоўнасць не толкі беларускага, але і украінскага рухаў на фоне гісторыі іншых народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы.

Але з пункту гледжання сацыяльных рэсурсаў «генератараў» нацыянальнай ідэі працэс фарміравання украінскай нацыі знаходзіўся ў значна лепшых умовах, чым на Беларусі. Калі да гэтага дадаць асаблівасці сацыяльна-палітычнага (роля земстваў, што значна раней былі створаны ва Украіне) і эканамічнага (узровень рынкавай актыўнасці ва Украіне амаль удвая перавышаў беларускі) развіцця, то значнае адставанне фармавання беларускага нацыянальнага выгледзе цалкам зразумелым і выкліканым аб'ектыўнымі прычынамі.

Літаратура

1. Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ: Генеза, 2000.
2. Екельчык С. Нацыяналізм украінцаў, беларусаў і славакаў // *Arche*. 2001. № 2. С. 30–41.
3. Латышонка А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // *Спадчына*. 1992. № 1. С. 9–14.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: В 86-ти т. / Под ред. Н.А.Тройницкого. Т. 4, 5, 7, 11, 12, 16, 17, 23, 32, 33, 44, 47, 48, 49.
5. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий России (1646–1858 гг.). Вып. 8, 9. М.: АН СССР, 1972.
6. Рудовіч С. Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Мінск: Тэхналогія, 2001.
7. Статистические таблицы Российской империи. Наличное население за 1858 г. СПб., 1863.

8. Токць С. Беларускі нацыянальны рух XIX – пач. XX ст. у кантэксце нацыянальных рухаў народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы // Нацыянальныя пытанні. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў. Мінск, 2001. С. 68–76.
9. Breuilly J. The State and Nationalism//Understanding Nationalism. Polity, 2001.
10. Chwalba A. Historia Polski. 1795–1918. Krakow: Wydawnictwo literckie, 2000.
11. Hroch M. Social precondition of national revival in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
12. Hroch M. From the national movement to the fully-formed nation: the nation building process in Europe // Mapping the nation / Ed. by G. Balakrishnan. London; New York: Verso, 1996.
13. Radzik R. Między zbiorowosciami etnicznymi a wspólnotami narodowymi. Biaiorusini na tle przemian narodowych w Europie Ćrodkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.
14. Waldenberg M. Kwestie narodowe w Europie Ćrodkowo-Wshodniej. Dzieje. Idee. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992.

*Д. Чорний
(Харків)*

«АНКЛАВИ ЦИВІЛІЗАЦІЇ» ЧИ «КОНТАКТНІ ЗОНИ»: велике місто українсько-російського Порубіжжя

Кордони, місце в житті суспільства, навіть смислове наповнення понять «Порубіжжя», «місто» змінювалось протягом XVII–XX ст. Під впливом суспільно-політичного, економічного, культурного розвитку еволюціонували й функції міст. Із «зони контактів» вони ставали «анклавами цивілізації» щоб знову перетворитися на «зону контактів». Винятково важливо з'ясувати спрямованість контактів: до об'єднання людей, спільнот, економік, культур, чи до роз'єднання життя на територіях, де панували міста, перш за все великі, йшла справа в українсько-російському Порубіжжі. Передбачається аналізувати самосвідомість населення, роль архітектурних символів, форм контактів, які склались історично в Слобідській Україні та Півдні Росії від XVII до початку XX століття.